

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Юрий Владимиров

В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ

ЗАПИСКИ ВЫЖИВШЕГО

1942—1945

На линии фронта. Правда о войне

Юрий Владимиров

**В немецком плену. Записки
выжившего. 1942-1945**

«Центрполиграф»

2010

Владимиров Ю. В.

В немецком плену. Записки выжившего. 1942-1945 /
Ю. В. Владимиров — «Центрполиграф», 2010 — (На линии
фронта. Правда о войне)

Мемуары рядового Юрия Владимирова представляют собой детальный и чрезвычайно точный рассказ о жизни в немецком плену, в котором он провел почти три года. Лишения, тяжелые болезни, нечеловеческие условия быта. Благодаря хорошим языковым способностям автор в совершенстве овладел немецким языком, что помогло выжить ему и многим его товарищам. После окончания войны мытарства бывших военнопленных не закончились – ведь предстояла еще длинная дорога домой. На родине Ю.В. Владимиров свыше года подвергался проверке, принудительно работая на угольных шахтах Донбасса.

Содержание

НЕМНОГО О СЕБЕ	6
Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Владимирович Владимиров В немецком плену. Записки выжившего. 1942-1945

*Посвящается светлой памяти моих дорогих родителей —
Владимира Николаевича и
Пелагеи Матвеевны Наперсткиных,
сестры Инессы Владимировны
Хлебниковой (урожденной Владимировой) и
жены Екатерины Михайловны*

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я, Владимиров Юрий Владимирович, по крещению православный, но по мировоззрению атеист. Родился 18 июля 1921 года в семье учителей в деревне Старо-Котяково Батыревского района Чувашской Республики. Чуваши по национальности. Прожил более 60 лет в Москве. По профессии инженер-металлург. В 1949 году окончил Московский институт стали имени И.В. Сталина по специальности «пластическая и термическая обработка металлов и металловедение» (с углубленным знанием технологических процессов и оборудования для прокатки и волочения). Кандидат технических наук. Проработал по специальности много лет на заводах и в научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических институтах. Кроме того, очень много занимался письменными переводами и написанием рефератов с научно-технических статей и других публикаций на немецком и английском языках, чтобы что-то дополнительно заработать на жизнь и усовершенствовать свои знания. Один и с соавторами опубликовал около 200 научно-технических статей, главным образом по металлургической и машиностроительной тематике, и выпустил по ним же более двух десятков книг.

До ухода на пенсию в 1996 году (с должности ведущего научного сотрудника) трудился свыше 32 лет в Центральном научно-исследовательском институте информации и технико-экономических исследований черной металлургии (сокращенно – Черметинформация).

Имею нормальную и порядочную семью. Был всегда законопослушным гражданином. Не состоял ни в каких политических партиях.

В юности участвовал рядовым солдатом-добровольцем в Великой Отечественной войне, пробыл почти три года в германском плену, после чего подвергся свыше года фильтрации (проверке), в основном работая принудительно в одной из угольных шахт Донбасса.

Все эти годы были исключительно опасными для моей жизни и в то же время очень необычными и интересными. Поэтому, хотя многое уже выветрилось из моей памяти, я решил рассказать о них своим потомкам и другим лицам.

Часть первая

ПЛЕН НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

23 мая 1942 года на Изюм-Барвенковском выступе Юго-Западного фронта советские 6-я и 57-я армии и соответствующая им по численности отдельная группа войск генерал-майора Л.В. Бобкина, имевшие задачей освободить от немцев Харьков, были ими окружены и оказались в котле, а затем (официально 240 тысяч человек) – в плену. Я служил тогда наводчиком орудия в зенитной батарее 199-й отдельной танковой бригады, входившей в состав 6-й армии. К этому времени я уже несколько дней сильно болел малярией, очень ослаб и почти ничего не ел.

23 мая примерно в 9 часов утра наша батарея попыталась километрах в пяти восточнее села Лозовенька Балаклеевского района Харьковской области самостоятельно выбраться из котла, но не смогла – повернула назад, остановилась и подготовила орудия к бою. В то же время в стороне и впереди от нас вели бои и другие советские части, но также неудачно. После 15 часов на нашу батарею с двух сторон двинулись немецкие танки, с которыми мы вступили в бой, но сил и средств для борьбы с ними было слишком мало – танки уничтожили оба наших орудия и большинство их obsługi.

В ночь на 24 мая оставшиеся в живых экипажи танков 199-й бригады, бойцы приданного ей мотострелкового батальона, а также другие подразделения, включая и зенитчиков, повторили попытку прорваться через немецкие цепи, но их снова постигла неудача. При этом многие погибли или были ранены, и рано утром 24 мая почти все оставшиеся военнослужащие сдались немцам в плен.

Я же с несколькими товарищами скрылся в соседнем лесу. Около 8 часов вечера того же дня мы решили группами – втроем, вдвоем или даже поодиночке попытаться выбраться из леса и двигаться ночью на восток незаметно от немцев. К сожалению, меня подвели напарники, поэтому пришлось пробираться через лес одному. Примерно через час на лесной опушке, густо заросшей кустарником и высокой травой, я был замечен немецкими солдатами. Они сразу дали по мне автоматные очереди, но, к счастью, не попали. Отходить в глубь леса было невозможно. Пришлось мне, взяв в руки лежавший рядом длинный и сухой сучок, привязать к его концу белый носовой платок и, подняв этот сучок повыше из кустов, сдать немцам в плен, прокричав им пару раз на их языке «Bitte, nicht schiessen, nicht schiessen, ich komme, ich komme» («Пожалуйста, не стрелять, не стрелять, я иду, я иду»). Все это случилось около 9 часов вечера.

Более подробно обстоятельства пленения изложены в моей книге «Война солдата-зенитчика», опубликованной в начале 2010 года издательством «Центрполиграф».

Глава 1

На месте, куда меня привели под стволами автоматов немцы, собиралось ночевать их пехотное соединение (типа нашего мотострелкового батальона), сплошь вооруженное автоматическим личным оружием, а не как у нас – винтовками, и имело значительно большее количество автомашин и другой техники. В это время немцы уже поужинали и собирались укладываться на ночлег, причем многие спали не в окопах под открытым небом, как мы, а в брезентовых палатках, а окопы с личным оружием были устроены перед палатками.

Мои конвоиры задали мне по-немецки несколько простых вопросов, которые я понял и не оставил без ответа, также на немецком языке. Увидев меня, немецкие солдаты стали подходить из любопытства, а находившиеся около меня солдаты сообщали вновь прибывавшим удивительную новость: «Kann ein bisschen Deutsch sprechen» («Может немного говорить по-немецки»).

Большим сюрпризом для меня стало то, что местный повар принес мне ложку и котелок, наполненный густым и очень вкусным чечевичным супом с куском мяса. Я поблагодарил его, а потом набрался смелости и попросил у солдат дать мне покурить.

Во время еды и курения сигареты собравшиеся вокруг меня немцы задали мне несколько житейских вопросов: как меня зовут (назвал имя и фамилию), откуда я родом (ответил, что из Москвы, и это у присутствовавших вызвало еще больший интерес ко мне), сколько мне лет (так как я выглядел совсем мальчишкой, то соврал, сказав, что восемнадцать лет, хотя мне было почти двадцать один), кто я по профессии (ответил правду, что студент, но из бахвальства – что Московского университета), в какой части воевал (сказал правду, что в зенитной), есть ли у меня дома девушка и бывал ли с ней в интимных отношениях (признался, что нет) и что-то еще (уже не помню).

В ходе того моего первого живого общения с немцами – солдатами, служившими в пехоте, – я обратил внимание на их обмундирование и другие особенности. Бегло упомяну о них.

Прежде всего, меня поразили у солдат их погоны на плечах и широкий кожаный поясной ремень, на сплошной и темноватой железной бляхе, на которой были изображены: в центре круг со стоящим орлом, имеющим полусложенные вертикально крылья и голову с клювом, повернутую вправо, то есть на восток, и держащим в лапах свастику, а над тем орлом – отштампованная полукругом надпись «Gott mit uns» («Бог с нами»).

У моих собеседников-пехотинцев, носивших однобортный темновато-голубой суконный мундир, аналогичный же орел, но темно-зеленого цвета и с распластанными горизонтально крыльями, был нашит над правым накладным нагрудным карманом. Этот карман, как и такой же по типу левый нагрудный карман, был снабжен посередине дополнительной вертикальной полоской. (А у солдат и офицеров некоторых подразделений других родов германских войск оба крыла у орла на том же месте мундира были выполнены наклонными – приподнятыми, – о чем я узнал лишь позже.)

Мундир, застегивавшийся большими круглыми металлическими пуговицами без каких-либо знаков на них (у нас была пятиконечная звезда с серпом и молотом), имел еще и снизу два больших накладных кармана по бокам. Сзади мундира были вставлены в материю по бокам же две проволочные дужки, которые поддерживали у солдата ремень за спиной и не давали этому ремню сползать вниз. Брюки были из того же материала, что и мундир, но сделаны типа навывпуск.

На голове военных были пилотки с уголком и красным кружочком на лбу, несколько отличавшиеся от наших пилоток по фасону. Они были как без широкого козырька, так и с ним, превращавшим эти головные уборы в полевое кепи. Но совершенно иными, чем у нас,

как по материалу, так и по фасону были двубортные темно-голубые же суконные шинели. В отличие от наших шинелей для рядовых бойцов и младшего комсостава они были тонкими и застегивались не на крючки, а на такие же, как на мундирах, круглые металлические пуговицы. Снизу по бокам были два накладных кармана. Иначе, по сравнению с нашими шинелями, были выполнены у них сзади и хлястики.

В теплое время суток, как и в этот вечер, когда я оказался в немецком плену, солдаты держали свои шинели в виде скатки, прикрепленной сверху и по бокам к плоскому и квадратному по конфигурации ранцу, носимому за спиной.

Немецкие солдаты, как и мы, носили противогазы, которые, однако, не имели такой, как у нас, длинной гофрированной прорезиненной трубки от коробки к маске и были заключены в снабженный вертикальными ребрами на наружной поверхности легкий пустотелый металлический цилиндр с крышкой на его верхнем конце.

С момента моего попадания в плен ни у кого из немцев не возникло мысли обыскать меня, чего я раньше так боялся. Не было и расспроса о конкретных военных делах. И так все мои бывшие представления о «злых немцах» сразу рассеялись. Может быть, мне просто повезло, что я попался в плен один и немного знал немецкий язык.

Скоро солнце ушло за горизонт, когда возле меня появился фельдфебель в сопровождении молодых солдат с автоматами. Он сообщил, что он не может оставлять в расположении воинской части вражеского солдата и вынужден отправить меня на сборный пункт для военнопленных. И конвоиры повели меня по полю.

Один конвоир шел впереди меня, а второй – сзади. Минут через пятнадцать сошли с поля на небольшой луг, по которому раньше прошло много людей и проехали обозы. Кое-где на лугу остались небольшие ямки, образованные лошадиными копытами, в которых скопилась вода. Еще накануне меня мучила жажда, и она особенно усилилась после неплохого ужина; встав возле ямки на колени, я глотал из нее воду, как собака. Видя это, оба конвоира пришли в ужас, и один воскликнул: «Mensch, das ist doch Scheisse» (то есть буквально: «Человек, это же говно»), имея в виду, что эта вода заразная и что от нее можно заболеть. (Тогда, конечно, я еще не знал, что означает в русском переводе немецкое слово «шайзэ», которое в моем карманном словаре отсутствовало.) Почти в полночь конвоиры, заблудившись, сдали меня танкистам, которые разместили меня на ночлег под танком, а точнее – под его гусеницей, так что при неожиданном движении танка я мог быть и превращен в мокрое место.

Ежась от холода, я начал было засыпать, как внезапно с шумом открылась крышка люка и молоденький водитель произнес по-немецки: «Эй, ты, русский, возьми!»

И протянул мне ложку и котелок с остатком густого супа. Итак, совершенно сытый, я, несмотря на прохладную ночь, укусы комаров и мошкар, крепко уснул под гусеницей немецкого танка до утра.

Рано-рано утром 25 мая, когда солнце еще не появилось, вооруженный автоматом немецкий солдат, одетый в темновато-голубую шинель, явно не принадлежащую танкистам, разбудил меня, толкнув сапогом и крикнув: «Подъем!» Я с трудом встал и нашел в себе силы сказать солдату: «Доброе утро!» Я понял, что теперь он является моим конвоиром. И так я двинулся в неведомый путь, подгоняемый сзади конвоиром, который не имел никакого желания общаться со мной. Сначала мы пошли между стоявшими вокруг немецкими танками, потом зашагали по полю и вышли на полевую дорогу. Вдруг к нам приблизилась открытая легковая автомашина.

Машина остановилась, и мой конвоир, тоже сразу остановившись, стукнув друг об друга каблуками сапог и приложив ладонь правой руки к пилотке, доложил офицеру, что ведет пленного русского на сборный пункт. Я с облегчением понял, что меня ведут не на расстрел.

Он сначала пристально оглядел меня, а затем, обратившись к сидевшему в машине местному жителю, оказавшемуся переводчиком, спросил, сколько мне лет и из какой я воинской части. Я сразу же, не дожидаясь, пока эти вопросы повторит по-русски переводчик, сам отве-

тил на них по-немецки, чем заметно удивил офицера. Соврал ему, заявив, что мне... 18 лет (подумал, что немецкие власти будут более снисходительны к очень молодым людям, чем к более старшим). Так как за последний месяц я сильно исхудал, то выглядел как подросток, а мне 18 июля исполнился 21 год. Сказал правду, что служил в зенитной батарее, входившей в состав 199-й отдельной танковой бригады.

Услышав оба моих ответа, произнесенные по-немецки, офицер предположил, что я попал на войну из какого-то учебного заведения. И я сказал, что учился в военной средней школе и был прислан прямо на фронт, хотя учиться мне оставалось еще год.

Затем был задан вопрос, где теперь моя танковая бригада. Пришлось ответить, что ее уже больше не существует – она почти полностью оказалась в плену. Я же боялся сдаваться и несколько часов прятался в лесу.

Далее офицер спросил, как в моей воинской части обстояли дела с деятельностью комиссаров, которые, как ему известно, «обязательно являются высокопривилегированными членами партии большевиков и по национальности в основном „иуды“». Ведь они во всех советских войсковых частях по положению фактически стоят выше их командиров. Говорят, что они издеваются над всеми остальными военнослужащими. Например, во время боевых действий они подгоняют их сзади во время атак на противника, расстреливая при этом отстающих, морят солдат голодом, совершают другие скверные поступки».

На данный каверзный вопрос, сразу вспомнив своего доброго и внимательного ко всем комиссара батареи Воробьева и того пожилого батальонного комиссара, с которым еще только вчера расстался, решил не отвечать. Заявил, что не понял перевода вопроса. Да и сам офицер не стал настаивать на моем ответе, ответив себе сам за меня: «Конечно, плохо». Чтобы окончательно отвязаться от собеседника, я все же на всякий случай, чтобы обезопасить себя, робко добавил к его словам по-немецки: «Ja, ja» («Да, да»).

Наконец офицер отстал от меня со своими вопросами, а я и конвоир продолжили свой путь, пока не дошли до сборного пункта, где в доме был также устроен какой-то немецкий штаб.

После небольшого ожидания распоряжения относительно моей дальнейшей судьбы мы снова двинулись в путь. Из небольшой постройки нам навстречу вышли два немецких солдата... в белых фартуках и колпаках. Конвоир представил им меня, «присланного на кухню высоким начальством» в качестве подсобного рабочего. Я, никак не ожидавший такого оборота событий, сначала растерялся, но скоро нашелся и поприветствовал их.

Нам предложили позавтракать, дав каждому по два очень тонких куска (их мы потом называли «скибками») белого хлеба с маргарином и колбасой и по чашке ненатурального кофе (эрзац-кофе). После перекура мой конвоир попрощался с поварами, предупредив их, что теперь они являются ответственными за меня и что, если я попытаюсь убежать, то им следует открыть по мне огонь. А вечером меня должны были отвести к тому дому, от которого мы пришли, и там сдать охране.

Я снял с себя вещевой мешок и шинель, попросил разрешения помыть руки и лицо водой из расположенного рядом колодца. Затем началась моя работа. В основном пришлось заниматься заготовкой топлива для полевой кухни – большого цилиндрического котла. При необходимости его везли, прицепив к грузовой автомашине. Приходилось также носить воду из колодца. Повара, которым я сказал, что плохо себя чувствую, не подгоняли меня, говорили мне о себе. Обстановка была вполне дружеской.

Оказалось, что в деревне есть еще несколько полевых кухонь и на них тоже работали наши военнопленные. Некоторых пленных немцы заставляли ремонтировать дороги и таскать грузы. Мне в основном пришлось заниматься приготовлением мелких дровишек и приносом их к печке полевой кухни с большим цилиндрическим котлом, плотно закрываемым сверху откидывающейся крышкой.

Наступило обеденное время, и мне дали гороховый суп с мясом, но без хлеба, а также стакан кофе.

Скоро во двор заехала специальная грузовая автомашина, к которой прицепили нашу полевую кухню. Меня посадили рядом с шофером. Мне следовало по мере необходимости подносить дровишки, подкладывая их в печь, чтобы суп в котле не остывал.

Шофер оказался общительным и веселым человеком. Он с ходу назвал мне свое имя и фамилию, а я ему – только имя. Затем шофер решил, наверное, сделать мне приятный сюрприз: после того как мы выехали из деревни, он сразу же вытащил из-под сиденья большую закрытую банку и свой котелок и налил в него из той банки какую-то желтовато-темную жидкость, которая образовала над собой много белой пены. Шофер предложил мне выпить эту жидкость, и я взял ее в рот, но сумел сделать лишь несколько глотков. Пить дальше отказался. Шофер удивился: «Warum trinkst du nicht?» («Почему ты не пьешь?»). А я спросил: «Was ist das?» («Что это?»). Он ответил: «Das ist doch Bier» («Это же пиво»). Я этого никак не ожидал: получилось так, что мой организм в последние дни до того стал испорченным, что не воспринимал даже вкус пива, которое я раньше всегда пил с большим удовольствием. Пришлось признаться шоферу, что я болен, поэтому и не могу сейчас пить пиво. И его вылили из котелка на землю.

Автомашина с полевой кухней остановилась в небольшом овраге. К ней по очереди начали подходить с боевых позиций солдаты и командиры обслуживаемого нашей кухней взвода с котелками и кружками, чтобы получить горячую обеденную пищу, состоявшую из двух блюд с кофе или компотом, хлебом, шоколадом и другими продуктами. Их раздавали повар и шофер автомашины. То же самое происходило недалеко от нас с полевыми кухнями, обслуживавшими другие взводы.

А я при этом сидел в кабине грузовика и безучастно наблюдал, что происходит вокруг. Видел и слышал, как немцы обстреливают со своих передовых позиций из орудий и минометов остатки наших окруженных воинских частей (вероятно, находящихся в Лозовеньке и около нее), принуждая их к сдаче в плен. В тот момент я, глубоко подавленный и морально и физически, совсем не задумывался над тем, что все, видимое мною сейчас – как быют моих товарищей, – должно быть для меня ужасным и невыносимым. И конечно, мне должно было быть также очень стыдно за себя. Но тогда я лишь удивлялся, как это моя судьба так резко изменилась за прошедшие два дня. Даже не приходило в голову задать себе вопрос, что же завтра меня ожидает...

Когда солнце стало садиться, полевая кухня вернулась на место, и младший повар, теперь уже как мой конвоир, отвел меня с автоматом к тому большому деревянному дому, возле которого я побывал утром.

Туда постепенно собрались и другие военнопленные; когда на улице почти стемнело, двое часовых, охранявших дом, привели нас к хлеву. Там, положив под голову вещевые мешки, мы улеглись на полу, застеленном соломой. Часовые плотно закрыли дверь снаружи. Едва мы заснули, как к нам присоединились еще человек десять. Через некоторое время один из наших новых соседей то ли испуганно, то ли возмущенно закричал по-немецки. Кто-то зажег карманный электрический фонарик, и только тогда стало ясно, что в одном помещении улеглись спать и русские военнопленные, и немецкие солдаты. По-видимому, их никто не предупредил, что в хлеве находятся пленные. Поднялся скандал, вызывали часовых. Часовые немедленно прибежали, но обвинили в случившемся солдат, которые заявили в хлев без разрешения начальства. Кончилось дело тем, что всех пленных выгнали из хлева, и двое конвоиров с автоматами, построив нас в колонну, погнали куда-то по деревне.

Мы долго шли, спотыкаясь о кочки. Кто-то не выдержал и громко сказал: «А не расстреливать ли нас ведут? Может, нам лучше разбежаться?» Никто ему не ответил, а один из конвоиров громко потребовал: «Тихо!» Но тут деревня кончилась, мы перешли по мостику ручей,

заросший по берегам высокими раkitами, вступили на поле и... наткнулись на людей, спящих на голой земле. Их было великое множество. Оказалось, что это тоже наши пленные. Конвоиры сдали нас часовым.

Проснулся из-за того, что, как и прошлым утром, кто-то толкнул меня в спину и крикнул несколько раз: «Jurij, Aufstehen!» («Юрий, вставай!»). Открыл глаза и очень удивился: передо мной стоял знакомый повар. Я проработал снова на кухне весь день, а вечером опять оказался у знакомого дома в группе военнопленных, работавших в деревне, как и я. Вдруг к нам подъехал грузовик с закрытым кузовом, и два немецких солдата стали выбрасывать из него заплесневелые буханки белого хлеба, головки сыра с большими пятнами и другие испортившиеся продукты. Пленные кинулись собирать эти продукты и класть их в вещевой мешок. Я с недоумением смотрел на эту картину. И тут один пожилой пленный крикнул: «Что же ты стоишь! А что будешь есть завтра?» Только тут я сообразил, что и мне надо было что-либо взять. Но оказалось уже поздно – все расхватали. Хорошо, что у меня в вещевом мешке были свежие продукты, которые мне дали на дорогу повара.

Вскоре нас двое конвоиров с автоматами построили по три человека в ряд и повели за деревню – туда же, откуда привели утром. Глазам представилась жуткая картина: бескрайнее незасеянное поле вплоть до самого горизонта было заполнено копошащимися людьми в распахнутых серых шинелях или просто зеленых гимнастерках. Большая часть этих людей сидела или лежала на земле, а меньшая – ходила или стояла мелкими группами. Среди них виднелись и легко раненные с белыми марлевыми повязками. Почти у всех за спиной были вещевые мешки. Это все были теперь мои коллеги – военнопленные, которых охраняли по периметру поля множество немецких солдат. Пленных было, по-видимому, не менее 30 тысяч. Но еще рано-рано утром их первые группы, как нам сказали, начали двигаться на юго-восток очень большой колонной, которую сопровождали хорошо вооруженные конвоиры. Людей наших они якобы повели в очень большой лагерь военнопленных, расположенный где-то в ближайшем немецком тылу на юго-западе.

Оставшиеся на поле пленные дожидались своей очереди увода их в лагерь следующей колонной. Нас конвоиры привели на это же поле и сдали часовым, после чего мы разошлись по нему, ища себе подходящее место. Предстояло переночевать на этом поле.

Выбрав понравившееся место, расположился за двумя не очень молодыми людьми, одетыми в новенькие шинели. Невольно подслушал их разговор между собой и узнал, что они были музыкантами из военного духового оркестра. Один из них заявил, что он теперь постарается устроиться в Австрии, где у него еще с 1917 года живет дядя – брат отца. Услышал также, что вместе с ними в одной компании был популярный красавец артист В.А. Блюменталь-Тамарин – сын одной из первых народных артисток СССР М.М. Блюменталь-Тамариной. Впоследствии этот артист, как Volksdeutsche – этнический немец, стал известен тем, что сотрудничал в Германии с нацистами и там же погиб, кажется в начале 1945 года. Мое соседство с этими обоими пленными им, вероятно, не понравилось: они обернулись и попросили меня уйти с места, сказав, что оно было занято ими для товарища, который должен скоро прийти. Пришлось выполнить просьбу.

Теперь среди множества других людей на поле я усмотрел для себя одного сидящего на земле пожилого, аккуратно одетого в старую шинель и пилотку, интеллигентного на вид рядового бойца с полным вещевым мешком за спиной. Он был брюнет, худощав и очень похож на еврея. Я подошел к нему и, попросив на этот раз разрешения, уселся по соседству. Вскоре мы разговорились, не назвав себя, и обсудили создавшуюся с нами ситуацию. По простоте души я сообщил собеседнику, откуда и кем был раньше. Он же много о себе не сказал, но дал мне очень ценные советы на будущее. Договорились держаться в будущем друг друга. Я вытащил из вещевого сумки кусок хлеба, немного сыра и флягу с кофе и предложил совместно поужинать. Однако собеседник не согласился со мной и «поужинал» своим куском хлеба. Узнав, что я

страдаю малярией, он дал мне из всего вещевого мешка щепотку хинина, который я при нем же и принял.

Наши разговоры слушали, а также видели, как мы едим, лежавшие и сидевшие рядом с разных сторон соседи. Скоро солнце село за горизонт, стало совсем темно, и мы легли на земле спать, укрывшись полкой шинели. При этом я положил вещевой мешок свободно под голову, а сосед, сделав со своим мешком то же самое, дополнительно пропустил через его лямку одну руку, чего я, к сожалению, не сделал. В результате, когда рано утром 27 мая я проснулся, моего вещевого мешка со всем его содержимым не оказалось – его кто-то стащил из-под головы.

Таким образом, я фактически почти полностью лишился средств к дальнейшему существованию. Главное – не было хлеба и других продуктов, а также котелка. Не было и фляги, но без нее можно было обойтись. Остались одежда и обувь, что были на мне, ложка, засунутая в обмотки, немецко-русский словарь и документы, хранившиеся в карманах гимнастерки.

Сосед пытался утешить меня, поделившись со мной своим завтраком – кусочком хлеба и глотком сырой воды из своей фляги. О том, чтобы перед завтраком умыться, не могло быть и речи: во-первых, мыло и полотенце пропали вместе с вещевым мешком, а во-вторых, негде было это сделать, хотя недалеко от места ночевки был ручей, но к нему не подпускали часовые.

Глава 2

Скоро часовые с громкой стрельбой в воздух, с криками по-немецки «Подъем!» и «Строиться!», а также ударами автоматов и прикладами винтовок заставили пленных построиться в колонну по пять человек в ряду, который по пути практически исчез – все шли толпой. Немецкий переводчик громко объявил, что тех, кто попытается бежать или будет отставать, расстреляют на месте.

С двух сторон колонну охраняли преимущественно молодые и пышущие здоровьем конвоиры, вооруженные автоматами. Шли конвоиры на расстоянии 30–50 метров друг от друга по обочине дороги или по краю поля. При некоторых конвоирах находились на поводке очень злые овчарки.

...Двигались мы главным образом в обход населенных пунктов. Местные жители, женщины, старики и дети, встречали нас на дороге и с жалостью смотрели на нас, а некоторые искали своих родных и знакомых. Но конвоиры не давали жителям приближаться к колонне, отгоняли их прикладами и стрельбой в воздух.

Перед некоторыми населенными пунктами немцы уже установили на столбах большие щиты с названиями этих пунктов, написанными крупными латинскими буквами.

Примерно через 10 километров пути колонну вдруг остановили, и вышедшие навстречу немецкие военные вместе стали внимательно осматривать лица всех пленных. В результате из колонны вывели более 20 человек, напоминавших по внешности евреев. Среди них оказался и мой новый друг, с которым я шагал рядом. Некоторые из этих пленных пытались доказать, что они не евреи. Тогда их заставили спустить штаны и показать половой член – не обрезан ли он. У пятерых с этим оказалось все в порядке, и их вернули обратно в колонну, а остальных, включая моего соседа, забрали с собой в село.

В дальнейшем в больших лагерях немцы проводили более обстоятельную проверку всех подозрительных на принадлежность к евреям или цыганам. Переводчик выяснял, не говорит ли пленный картавя или с еврейским акцентом, требуя произносить очень быстро, например, фразу: «На горе Арарат зреет крупный виноград». Случалось, что подозреваемый заявлял, что он армянин, грузин, азербайджанец и т. д. Тогда проверяющие подзывали своего человека названной национальности и он вступал в разговор с проверяемым лицом. И если пленный его не понимал, то считали, что он еврей или цыган.

Шедшие со мной товарищи хотели узнать, когда же нам дадут что-нибудь поесть. Я решил спросить об этом по-немецки у ближайшего ко мне молодого и очень здорового конвоира. Он не стал меня слушать и ударил кулаком по голове так, что я упал и лишь с большим трудом снова встал на ноги.

В какой-то деревне мы увидели на околице группу плачущих женщин. На траве лежал мертвый молодой старшина в гимнастерке с четырьмя темно-красными блестящими треугольниками на красных петлицах. Три женщины рыли могилу. Кто-то из пленных сумел узнать, что этот старшина скрывался у местных жителей, но утром он был обнаружен немцами, отстреливался и покончил с собой, выстрелив себе в сердце.

Внезапно погода стала портиться. Появились черные тучи, и солнце скрылось за ними. Начал моросить мелкий дождик. В это время мы переходили небольшой ручеек. И как раз на этом месте колонну начала обгонять грузовая машина. Но обгон не получился – машина застряла всеми четырьмя колесами. Попытки водителя вытащить ее к успеху не привели. Тогда конвоир вывел из колонны пять человек, включая меня, и приказал нам выталкивать машину. Мы тщетно, изо всех своих слабых сил, старались это сделать, но ничего не получалось.

Через некоторое время водитель догадался достать из кузова две лопаты и вручить их нам. Тогда мы стали брать лопатами сухой грунт вместе со стерней от соломы и бросать его

под колеса машины. Работа длилась более часа. Водитель много раз заводил мотор, и наконец машина была вытолкнута на сухое место.

Оказалось, что грузовик вез буханки черного хлеба и еще какие-то продукты, и водитель посчитал нужным расплатиться с нами, отдав две буханки хлеба, а конвоиру – что-то более существенное. Мы уселись около ручейка и немедленно растерзали руками обе буханки на пять кусков. Однако конвоир не дал нам сидеть, и всем пришлось жевать свою порцию хлеба на ходу. Хлеб оказался испеченным из смеси ржаной муки и кукурузной и поэтому не очень вкусным.

Мы шли по проселочной дороге под начавшимся ливнем с грозой. Шли мы не менее часа. Затем конвоиры отвели всех пленных в сторону от дороги и остановили ночевать на поле. Конвоиры расхаживали рядом, надев непромокаемые плащ-палатки. В полночь вдруг раздались звуки выстрелов из автоматов и лай собак. Оказалось, что трое пленных, воспользовавшись ночной темнотой, попытались сбежать. Но конвоиры с собаками настигли ребят и застрелили их. Рано утром конвоиры заставили нескольких пленных положить у дороги тела убитых. А когда всех пленных выстроили снова в длиннейшую колонну, опять приехала легковая машина с немецким офицером и переводчиком. Последний громким голосом несколько раз предупредил пленных, что убежать никому не удастся, а кто попытается это сделать, будет немедленно расстрелян. При этом он показал на тела трех беглецов.

И нас снова погнали, не дав ни помыться, ни поесть. Но по дороге я с удовольствием съел оставленный за пазухой кусок хлеба. Через некоторое время еще двое пленных, шедших примерно в середине колонны, сделали попытку бежать. Они решили воспользоваться тем, что слева от шоссе начинался лес, росший по обеим сторонам отходившего от дороги глубокого оврага. Они быстро выскочили из колонны, прыгнули в этот овраг и побежали – сначала по его дну, а потом прячась за раскидистыми деревьями и кустами ив. Конвоиры, стреляя из автоматов длинными очередями, побежали за беглецами. Колонну остановили, и мы стояли почти полчаса. Автоматные очереди прекратились, и прозвучало несколько одиночных выстрелов. Мы поняли, что обоих беглецов немцы догнали и застрелили. Затем конвоиры, шумно радуясь своей удачной «лесной охоте», возвратились к колонне, и она снова тронулась в путь. Случившееся с беглецами сильно потрясло многих пленных, некоторые, включая и меня, заплакали. Можно было бы всем разбежаться в разные стороны, но никто не захотел и не мог совершить такой героический поступок.

После того как мы пробыли в пути примерно час, один не пожилой еще пленный, шедший передо мной, не выдержал голода, жажды и тяжелых условий движения и скоропостижно скончался, упав под ноги товарищей. Его вынесли из колонны и положили на обочину шоссе. Через некоторое время двое других пленных сели посреди колонны совсем обессиленные. Они стали умолять конвоиров посадить их на повозку, на которой ехали раненые; конвоиры их просто застрелили. И так во время нашего двухдневного пути случилось еще два раза.

Я решил, что при очередном привале встану среди пленных, идущих возможно ближе к головной части колонны. И встану обязательно в середину ряда, так что в случае сильной усталости можно будет усесться прямо на дороге и отдохнуть, а потом присоединиться к хвостовой части.

...К счастью, примерно часам к пяти колонна достигла районного центра Барвенково и остановилась на лугу. Конвоиры заставили пленных выкопать рвы, которые служили людям в качестве отхожих мест. Затем нам объявили, что прибыли полевые кухни. Перед ними сразу же выстроились длиннейшие очереди. Но я, не имевший никакой посуды и, кроме того, полностью потерявший аппетит, не стал становиться ни в одну из очередей. Оказалось, что еда представляла собой горячую похлебку из воды и макухи – жмыха, образовавшегося при производстве подсолнечного масла.

Пока пленные стояли в очередях за баландой, я снял с себя гимнастерку, теплый свитер и нижнюю рубашку, чтобы попытаться освободить их от вшей. Оказалось, что этих тварей было великое множество. Они располагались у складок одежды целыми кучами. Наступило 29 мая – один из самых ужасных дней в моей жизни. В этот день всех пленных разбудили до рассвета и объявили, что нам предстоит пройти до вечера более 60 километров.

Днем солнце палило нещадно, ноги мои начали сильно устывать, и я невольно отстал от того головного ряда. Вот-вот могло случиться так, что я окажусь в хвосте колонны, упаду и конвоиры меня пристрелят. Но скоро колонна стала проходить мимо очередной деревни (наверное, Малиновки), жители которой, как и предыдущих населенных пунктов, встали плотными рядами на обочине дороги. И этим решил воспользоваться один из молодых и физически сильных пленных. Неожиданно для конвоиров он очень быстро рванул в сторону стоявших людей, проскочил через них и скрылся между ближайшими хатами и дворами. Колонну остановили, и несколько конвоиров с собакой устремились за беглецом. Пока конвоиры с собакой не поймали и не расстреляли несчастного беглеца, прошло около получаса, и за это время я сумел немного отдохнуть.

Миновали еще одну деревню, вошли в большое село (возможно, Бурбулатово). Тут местные жители стояли уже не на одной, а на обеих обочинах шоссе. Конвоиры старались разогнать их выстрелами из автоматов в воздух, однако это не давало никакого эффекта. Женщины пытались вручить пленным съестное, подбегая совсем близко к колонне. Но мне ничего не досталось – все захватывали те, кто были крайними в ряду и более проворными. И почти никто ничем не делился с соседями.

И здесь оказалось, что в колонне шел пленный родом из данного села. Его престарелые родители прибежали к колонне и вступили с сыном в разговор. К счастью, в это время на месте оказался переводчик, и дело кончилось тем, что перед следующим населенным пунктом – селом Близиюки, где колонне предоставили последний привал, конвоиры отдали старикам сына за какую-то, как говорили, большую драгоценность. Но, чтобы не уменьшить отчетное количество пленных в сопровождаемой ими колонне, вместо этого пленного конвоиры загнали в нее какого-то пожилого мужчину, превратив его в военнопленного. И такие случаи бывали не раз.

На последнем привале я надеялся утолить большую жажду, которой все время мучился, но ничего с этим не вышло. Между тем жара стала невыносимой. Ноги мои так устали, что хоть «ложись и помирай». Лишь с великим трудом прошел через село, в котором тоже многие женщины пытались дать кому-то из пленных что-то поесть. А как вышли из него и прошли около километра, ноги отказали совсем: я упал на дорогу и едва нашел в себе силы приподняться и усесться на своей шинели, пропуская мимо себя с двух сторон людей, шедших вперед. И никто из них не помог мне.

Я уселся на шинели. Молодой и очень здоровый конвоир сразу остановился около меня и заорал по-немецки: «Давай, давай скорей, не сидеть!» – и нацелил на меня автомат. Видно было, что он совсем не обладает чувством милосердия. Но тут мне пришла в голову спасительная мысль – я решил бросить шинель, которая давала мне дополнительную нагрузку, и сумел подняться. И так я прошел, наверное, еще километр. Однако ноги опять отказали. И тут я сообразил, что надо сбросить тяжелые ботинки с обмотками и шагать босиком. Я разулся и снял также зеленые воинские брюки, оставив на себе гражданские темно-синие брюки от костюма студенческих времен. Но второпях совсем забыл вынуть из потайного кармана брюк два очень важных предмета – «медальон смерти» (о чем потом вовсе не жалел) и мамин «талисман». Встал я на босые ноги и легко зашагал вперед. Шедшие рядом пленные не удивились моему поступку, а конвоир, кивнув мне, сказал: «О да, да, хорошо, хорошо!» Хотя идти босиком стало легче, но мелкие камушки причиняли ступням сильнейшие боли, царапая кожу до крови. Однако с этим приходилось мириться.

Прошли еще более километра. Я уже еле-еле передвигал ногами и вот-вот мог упасть и больше не встать либо из-за своего бессилия, либо от пули конвоира. Сильно исхудавший, босой и напоминавший своим видом подростка, я обратил на себя внимание какой-то доброй женщины, которая, не испугавшись быть застреленной конвоирами, быстро и решительно подбежала именно ко мне и передала узелок из белой ткани. В узелке оказались пол-литровая бутылка с сырым молоком, кусок хлеба и две большие сваренные картофелины. Обе картофелины и хлеб я отдал своим соседям, а сам, освободив горлышко бутылки от пробки, жадно и быстро выпил все молоко.

Метров через сто пятьдесят другая женщина опять сумела отдать мне бутылку с молоком и кусочек хлеба со свиным салом. И снова я выпил только молоко, а еду отдал тем же соседям. После этого они, видимо, решили, что им выгодно быть рядом со мной и поддерживать меня на дальнейшем пути. Они, каждый со своей стороны, крепко взяли меня под руки и почти понесли. Так мы двигались вместе по шоссе до железнодорожного узла – станции Лозовая.

По обеим сторонам улиц Лозовой, по которым мы шли, также толпами стояли местные жители. И здесь одна девочка, приблизившись очень быстро к нашему ряду и не побоявшись конвоиров, вручила еду. На этот раз ею оказался... круглый диск макухи диаметром около 20 сантиметров – отхода производства подсолнечного масла. Раньше я никогда не слышал о существовании такой пищи. Соседи, наверное, тоже никогда не имели с ней дела. Но тем не менее они разломали этот диск на три части при помощи перочинного ножа и каждый положил свою долю в карман.

На станции немецкие солдаты с любопытством наблюдали за прохождением нашей колонны. Их лица не были такими злыми, как у конвоиров. Некоторые курили сигареты. Глядя на них, я на мгновение забыл, что я им далеко не товарищ, и почему-то сказал по-немецки: «Мы едем в Германию». Солдаты ответили: «Счастливого пути!» А после этого я рискнул крикнуть им: «Дайте мне курить!» И каково же было мое изумление, когда один из солдат подбежал ко мне с сигаретой, которую я тут же положил в карман, чтобы выкурить ее позднее. Я даже не догадался поблагодарить солдата, на которого за это набросился с угрозами наш конвоир.

Часам к семи вечера колонна зашла на территорию, огороженную высоким рядом колючей проволоки и охраняемую множеством часовых с автоматами и винтовками. Это был достаточно большой, только что созданный временный пересыльный лагерь для советских военнопленных. Лагеря такого типа имели названия сокращенное (Дулаг) и полное (Дурхгангслагерь).

Глава 3

Территория лагеря, куда нас немцы пригнали, по-видимому, раньше была местом расположения кавалерийской части Красной армии, но, может быть, и коневодческой фермы. На ее территории располагались длинные деревянные конюшни с кормушками для лошадей, изготовленными из очень толстых бревен. До 1929 года у моего отца была в конюшне такая же кормушка для наших двух лошадей.

Основная – незастроенная – часть территории представляла собой широкий луг, на котором вынуждены были устроить себе пристанище пленные. Некоторые отрывали себе ямы, чтобы прятаться в них от солнца и дождя.

Лагерь имел несколько больших и малых блоков, и в их числе – отделение для военнопленных из младшего и старшего командного состава Красной армии, отделение медсанчасти для больных и раненых пленных. По истечении нескольких суток пленных угоняли или отвозили на грузовиках и поездами в другие места. Очень многих направляли на Украину для особо тяжелых работ, в частности на строительство военных укреплений, на восстановление металлургических и горнорудных предприятий, на реконструкцию железнодорожных путей, чтобы по ним могли двигаться немецкие поезда. Однако подавляющую массу пленных немцы все же везли в Германию.

...На территории лагеря я нашел себе место в конюшне на деревянном полу, почти под самой кормушкой. 30 мая нас всех подняли в 6 часов утра громкими криками «Подъем!». Мы увидели несколько высоких и здоровых мужчин средних лет в советском военном обмундировании, но без петлиц и в начищенных до блеска хромовых сапогах. На левом рукаве у них была белая повязка с черной надписью немецкими буквами «Полиция», а в правой руке они держали палку, напоминающую дубинку. Это были полицейские из бывших военнопленных или гражданских лиц, перешедшие на службу к немцам.

Полицейские заявили, что те, кто в состоянии работать, могут отправиться с ними, чтобы получить завтрак и уйти в город на работу. Но на какую работу, не сказали. Очень многие пленные, сильно оголодавшие в последние дни, сразу же согласились. Оставшиеся в лагере выстроились в очередь у кухни. Я увидел, как стоявший близко ко мне пленный, вытаскивая котелок из своего вещевого мешка, обнажил в нем пустую металлическую банку из-под консервов. Поскольку у меня не было котелка, я попросил его отдать мне эту банку. Но он сказал, что так просто ее не отдаст, а вот если бы у меня нашлось для него курево, то согласился бы. И тут я вспомнил о припрятанной немецкой сигарете и предложил товарищу эту «дикуину». Тот недоуменно взял сигарету в руки, понюхал ее, вытащил из кармана своего полугалифе коробку спичек, крепко затянулся дымом и молча отдал мне банку. Я встал в длинную очередь.

Солнце на небе поднялось высоко и стало нещадно жечь. Мои силы были на пределе. И как раз в этот момент мне удалось подсмотреть у одного пленного, что же за еду нам дают. К моему изумлению, это была опять баланда из подсолнуховой макухи. Я понял, что эту пищу мой больной желудок не выдержит, и возвратился в конюшню. Не выдержали долгого стояния в очереди за баландой и многие другие пленные – вернулись без нее на свои места. Почти никто не сумел даже напиться воды возле кухни: полицейские всех отгоняли. Оказалось, что эту баланду выдавали на весь день. Меня невыносимо мучила жажда. К счастью, на дне кормушки я обнаружил буровато-желтую воду, оставшуюся, вероятно, еще со времени последнего кормления лошадей. Я сунул голову в кормушку, но в этот момент пожилой пленный, находившийся поблизости, быстро стащил меня вниз, крикнув: «Ты что, рехнулся? Неужели собираешься пить лошадиную мочу? Вот возьми мою флягу!» Я сделал несколько глотков, но жажда все равно сохранилась. Тогда я решил собрать на лугу конский щавель и гусиную лапку. Набрав несколько горстей, я съел все, как это делал в детстве.

Наступил вечер. Постепенно в лагерь возвратились группы пленных, которых утром уводили на работу. Некоторые из них несли хлеб, картофель, крупу, молоко в бутылках и еще что-то. Оказалось, что эти продукты им дали из сострадания или продали за советские деньги местные жители. Кое-кто нес дровишки – сухие сучья деревьев, обломки досок и куски кизяка. Но особенно меня поразило, что несколько человек в обычных армейских мешках из брезента несли... питьевую воду! Потом пришедшие развели костры и, скооперировавшись, приготовили ужин. Остальные пленные им завидовали, а некоторые попросили поделиться с ними пищей, но никто не поделился.

Среди возвратившихся с работы пленных я заметил одного бывшего сослуживца из мотострелкового батальона нашей 199-й отдельной танковой бригады. Он был значительно старше меня и поэтому более опытен в жизни. Он удивился, что я хожу босым, и сразу сделал мне предложение: я отдам ему свой белый свитер, а он мне – пару запасных армейских ботинок. И сделка состоялась. Ботинки оказались мне как раз впору, но надеть их пришлось на босые ноги.

После сделки товарищ вынул кисет с махоркой и свернул козью ножку. Я намекнул ему, что неплохо бы и мне дать закурить, на что получил ответ: «Дружба дружбой, а табачок врозь». Он потребовал с меня за одну закрутку 30 рублей.

Консервная банка и ложка в карманах брюк мне сильно мешали, поэтому, пока не совсем стемнело, я решил поискать кусок проволоки или бечевки, чтобы сделать ручку к консервной банке. Но ничего на глаза не попадалось. Когда стал проходить мимо отделения, где содержались военнопленные из младшего и среднего комсостава Красной армии, вдруг кто-то меня окликнул: «Эй, зенитчик, подойди сюда!» Я увидел лейтенанта, с которым 24 мая находился в лесу. Лейтенант был в своем прежнем командирском обмундировании и со всеми знаками различия.

Мы рассказали друг другу обо всем, что с нами произошло. Оказалось, что лейтенанту с товарищами тогда тоже не повезло: их захватила группа автоматчиков, а затем со сборного пункта отправили в этот лагерь. Лейтенант устроился в отделении для командного состава, а батальонный комиссар и старшина остались вместе с другими пленными.

В конце беседы лейтенант неожиданно предложил мне перейти в его отделение, так как с пленными из командного состава, кроме комиссаров, немцы обращаются лучше. С его точки зрения, я по своему развитию вполне мог сойти за лейтенанта. Пока никто не требует документов, подтверждающих принадлежность пленного к командному составу, – об этом судят в основном лишь по уровню общего развития.

К сожалению, нам с лейтенантом не суждено было находиться постоянно в одной компании. Примерно через час, как я улегся спать на подстеленном соломой полу конюшни, меня потянуло в уборную, и за ночь я бегал туда, наверное, раз десять, а с рассветом обнаружил, что из меня вытекает густая кровь.

Утром лейтенант помог мне перебраться в лагерную медсанчасть. И там врач, которому я назвал свои фамилию, имя и отчество, спросил, откуда я. Узнав, что из Москвы, он очень обрадовался, сказав, что сам он – москвич. Врач определил мне, как инфекционному больному, особое место в сарае. Затем он заставил меня выпить два стакана слабого раствора марганцовки, запретив вообще пить воду и принимать пищу в течение суток. Такой раствор я постоянно пил до конца пребывания в медсанчасти. Кроме того, врач дал мне хинин. Он рекомендовал мне как можно больше лежать и из сарая без особой надобности не выходить и по возможности ни с кем не общаться. В мое распоряжение было предоставлено ведро с деревянной крышкой, которое выносили санитары.

Недалеко от лазарета, но вне территории лагеря, находилась братская могила. Это была вырытая пленными по распоряжению комендатуры глубокая яма размерами, наверное, 5 х Ю метров. В ней ежедневно хоронили по несколько пленных, умиравших от тяжелых ран, болезней и истощения. Покойного приносили на носилках или привозили на телеге, клали в одну

яму и присыпали слоем земли и слоем хлорной извести и этим ограничивались до поступления следующего умершего.

Наконец в лагере немцы наладили специальное снабжение лазарета водой, а на кухне стали готовить горячую пищу в виде мучного или картофельного супа со свеклой и кониной. Еду доставляли в лазарет из кухни в бочках, кадках и больших кастрюлях, но порции были очень маленькими. Позже стали давать и хлеб. Из подвешенного на столбе умывальника можно было помыть холодной водой руки и лицо, а в баке возле него – прополоскать котелки и кружки... Лекарств в лазарете было очень мало, и почти все только отечественные, то есть для немцев трофейные.

Глубокой ночью, несмотря на то что я принял дозу хинина, у меня начался приступ малярийного озноба, длившийся около часа. И поскольку накрыться мне было нечем, пришлось придвинуться поближе к соседу и даже ползть под его шинель, чтобы согреться. Но когда я прижался к нему, я с ужасом обнаружил, что тело его оказалось совершенно холодным. Когда рассвело, стало ясно, что сосед – рослый пожилой военный – мертв.

Недолго думая я перетащил на свою «постель» шинель покойного и его вещевой мешок со всем содержимым и заменил свой ремень на его добротный кожаный. В вещевом мешке умершего я обнаружил алюминиевый котелок, синюю эмалированную кружку и катушку белых ниток с иглой. Был также кисет для махорки, но пустой. Все это было как раз то, чего я лишился, когда шел под конвоем в этот лагерь военнопленных. Не хватало лишь пары носков или хотя бы портянок для обуви. Не было и мыла с полотенцем, но без них пока можно было обойтись.

Утром врач поинтересовался моим самочувствием и порекомендовал мне выпить кружку мясного бульона из конины, который начали раздавать санитары. Я получил этот бульон и выпил его с большим удовольствием. Затем врач дал мне пакет с размолотым древесным углем и опять посоветовал лежать как можно больше.

Через некоторое время, почувствовав заметное улучшение, я вышел из сарая и уселся возле него погреться на солнце. В это время меня заметил и подошел ко мне сослуживец по зенитной батарее, с которым я вечером 20 мая в Лозовеньках был отправлен в полевой госпиталь. Тогда его в госпиталь приняли, а меня отослали обратно в воинскую часть. Оказалось, что он попал в плен утром 26 мая, когда к полемому госпиталю неожиданно подъехали немецкие танки. Никакой стрельбы не было. Всех ходячих раненых и больных немцы отправили пешком в сопровождении конвоиров на сборный пункт для военнопленных. А раненых и больных, неспособных самостоятельно двигаться, включая моего сослуживца, они посадили вместе с медицинским персоналом на грузовики и привезли в Лозовую. Тяжелораненых и совершенно безнадежных они оставили в полевом госпитале вместе с хирургом и медсестрами, рассчитывая, что в остальном им помогут местные жители. Позже я несколько раз встречал тяжело раненных военнопленных, которых немцы вообще отпускали на свободу.

Часам к четырем в лазарет принесли совмещенные обед и ужин – горячую полужидкую кашу из пшена, которое не было отделено от примесей, как это обычно делают домашние хозяйки. В каше попадались даже частички мышинного кала. Но все равно это была для нас отличная пища. Врач разрешил мне съесть не более пяти ложек каши. Однако до принятия пищи пришлось выпить стакан с раствором марганцовки и съесть немного размолотого древесного угля. Благодаря ежевечернему приему хинина ночные ознобы уменьшились.

Лейтенант-танкист из офицерского блока сумел навестить меня лишь один раз, так как вскоре всех обитателей этого отделения увезли дальше на запад. Лагерь постепенно, но медленно освобождался от пленных.

В третьей декаде июня меня «выписали» из лазарета. В тот же офицерский блок – отделение для бывшего командного состава, откуда я уходил, привел меня, сильно ослабшего и ставшего, как выражались пленные, полным доходягой, санитар, оставив мне для завтрака на

следующий день кусок сваренной с борщом конины. С собой я захватил котелок с кипяченой водой. Врач дал мне еще пакетики с марганцовкой, молотым древесным углем и хинином для самолечения.

На этот раз в офицерском блоке людей было очень мало, ни одного знакомого лица не оказалось. Я вышел из конюшни и стал наблюдать, что же творится за лагерной оградой, сделанной из колючей проволоки. Вдоль ограды лагеря, скучая, прохаживались между сторожевыми вышками часовые с автоматами. Вдруг в степи раздались одиночные автоматные выстрелы, и я увидел, как двое немецких солдат погнались по траве за какими-то серыми зверьками. Одного, раненного и дико кричавшего, они поймали. Зверек оказался сурком. Охотники и часовые некоторое время полюбовались трофеем и закинули его на территорию лагеря. Несколько расторопных пленных тут же схватили сурка и потащили к костру. Счастливые обладатели этого дармового мяса зажарили его, распространяя вокруг щемящий запах горящего жира. Некоторые пленные шли за теми, кому досталась порция мяса, и униженно и тщетно просили поделиться с ними.

Пока все это происходило, я заметил одного капитана уже в годах, у которого на ногах были зеленые брезентовые «комсоставские», как их тогда называли, летние сапоги. Хотя они были достаточно ношенные, мне эта обувь очень понравилась и видом, и легкостью, и тем, что их вполне можно было носить без носков и портянок, которых у меня не было. Кроме того, они придавали бы мне вид более соответствующий внешности лейтенанта. По этим соображениям я предложил капитану поменяться обувью, и он моментально согласился, сказав, что для грядущих холодов ботинки очень пригодятся. Я опять подумал, что вот люди смотрят далеко вперед, а я нет.

Рано утром в офицерском блоке появились немецкий старший лейтенант, переводчик и русский полицейский. Нам дали команду – собрать свои вещи и проследовать к воротам лагеря. Там нас ожидал большой грузовик. Мы с трудом взобрались в кузов и уселись на деревянных скамейках, бросив под них вещевые мешки и шинели. Мне досталось место впереди – как раз рядом с конвоиром, который оказался дружелюбным и сентиментальным человеком. В конце концов конвоир вытащил из своего рюкзака... большой кусок круглого и зеленоватого цвета Kuchen – пирожное типа кулича, который ему испекла и прислала горячо любящая супруга. Карманным ножиком он поделил этот кусок на несколько порций, самую большую взял сам, а остальные отдал мне и моим товарищам. Конвоир очень медленно и аккуратно ел свой деликатес, а мы моментально проглотили наши порции, не пытаясь разобраться, что это такое. Я от имени всех нас поблагодарил конвоира, похвалив его жену и его самого, так что он чуть не прослезился.

Между прочим, у нас имелась возможность обезоружить конвоира и шофера машины и разбежаться на свободу. У меня такая мысль возникла, но, чтобы осуществить ее, у меня не было ни смелости, ни физических сил, поэтому я не стал говорить об этом другим пленным.

Судя по поставленному перед мостом указателю с немецкими буквами, мы переехали реку Самару, а потом – ее небольшой приток и оказались в городе Павлограде, почти не пострадавшем от военных разрушений, и остановились перед большими решетчатыми воротами довольно крупного пересыльного лагеря, устроенного недалеко от другого притока реки Самары.

Глава 4

Лагерь этот был организован немцами, по-видимому, на месте бывшего военного городка одной из пехотных частей Красной армии. Там имелись большие красные трех- и четырех-этажные кирпичные дома и несколько деревянных одноэтажных домиков и длинных бараков. Большую часть прибывших разместили в бараках, но многие остались на пустыре под открытым небом.

Большинство стекол на окнах домов было разбито, зато в некоторые помещения все же поступала вода из частично восстановленного водопровода. Лагерь со всех сторон окружало плотное заграждение из колючей проволоки, по его четырем углам имелись деревянные вышки, на которых находились часовые, вооруженные автоматами или обычными винтовками. Распоряжались лагерем и руководили его охраной в основном немцы, которых было немного, а часовыми были... итальянцы. Иногда среди персонала лагерной охраны появлялись румыны. Итальянцы и румыны держались по сравнению с немцами не очень солидно и не очень серьезно, что вызывало у наших людей некоторое оживление и чувство преимущества перед ними.

Западная сторона лагеря, на которой главным образом и стояли деревянные домики и бараки, отличалась тем, что за ее оградой находился сильно заболоченный широкий овраг с высокими камышами и водой. В нем было очень много лягушек самых разных размеров, которые часто и громко, а ночами – непрерывно квакали и урчали, не давая никому спать.

...После того как наш грузовик оказался внутри лагеря, нас встретили представитель комендатуры и переводчик из местных пленных. Наш конвоир, быстро спрыгнув с кузова, доложил этому начальству, что привез из Лозовой столько-то пленных русских офицеров, чтобы их определить для дальнейшего пребывания в Павлоградском лагере. Затем мы все сошли с машины, и немец через переводчика сообщил о блоке, где прибывшие должны быть размещены. Я сразу сказал переводчику, что нуждаюсь в лечении желудка, а также страдаю от малярии. Затем повторил все это по-немецки. Офицеру это понравилось, и, задав мне несколько простых вопросов, он приказал переводчику устроить меня в лазарет, а остальных повести в офицерский блок.

Помощник главного врача, записав в приемном журнале мои данные, привел меня в соседний барак, в котором было полно раненых и больных, размещенных в комнатах с окнами, почти не имевшими стекол. Из-за этого в помещениях было очень много комаров и мошкары, которые ночами не давали нормально спать. Стены в комнатах пестрели надписями о том, что здесь был такой-то и такой-то, с указанием даты своего нахождения, а иногда – места жительства. На потолках имелись электролампы, но электричества не было. Из мебели в «палате» были только столик и один стул. Соседи в первую очередь спросили, нет ли у меня курева. Я был вынужден огорчить их.

Выйдя из палаты, вместе с другими больными и ранеными я уселся на траве, наблюдая за двумя итальянскими солдатами из охраны. Солдаты принесли с собой две сумки-сетки. Одна из них была маленькой и с мелкими ячейками, а другая – большой и с крупными ячейками. Итальянцы периодически закидывали большую сетку в воду болота и ловили крупных лягушек, тогда как мелкие уплывали сквозь крупные ячейки. Пойманных лягушек они перекладывали из большой сетки в маленькую, которую постоянно держали в воде. Так примерно за час итальянцы наловили около двадцати крупных лягушек. У бедных лягушек они отрывали задние лапы, клали их в кастрюлю, а тушки выкидывали обратно в болото. Наполнив кастрюлю, «охотники» очистили лягушачьи лапки, нанизали их на проволоку, которую натянули между двумя столбиками, забитыми в землю, а под проволокой разожгли мелкие дрова, чтобы зажа-

рять лапки, подобно тому как это делается при приготовлении шашлыка. Эту закуску они использовали к раздобытой у местных жителей горилке – крепкому самогону.

Посмотрев этот необычный «спектакль» у болота, я зашел в комнату вместе с двумя другими жильцами и познакомился с ними. Один – высокого роста и страшно худой – оказался москвичом, а другой, моложе первого и невысокий, был из Московской области. Оба попали в плен еще осенью 1941 года и пережили жестокую зиму в страшном голоде и холоде, работая на железнодорожных путях. В результате оба они окончательно подорвали свое здоровье. Первый уже не надеялся, что выживет, и полностью утратил силу воли, а голос его напоминал писк малого ребенка. Второй же, наоборот, был очень активен и всеми силами цеплялся за жизнь, мог даже вырвать кусок пищи у товарища, стащить то, что «плохо лежит».

Оригинальной личностью оказался в нашей «палате» бывший таежный охотник с раскосыми глазами. Поговорить с ним мне не пришлось, так как он вообще помалкивал. Общался он главным образом с врачом, лечившим его от нервной болезни, в результате которой у него частично была потеряна чувствительность тела. Врач с фельдшером каждый день втыкали в его оголенную грудь стальные иглы, чтобы установить область, не чувствующую боли. Во время этих процедур пациент стоял совершенно спокойно и подавал голос только тогда, когда возникала боль. Интересно было и то, что в точках погружения игл кровь не вытекала. Врач каким-то способом лечил эту область и радовался, что постепенно она уменьшается.

...Часам к четырем вечера санитары принесли в бачках из лагерной кухни пшеничную кашу (к сожалению, горьковатую) и горячую кипяченую воду. Хлеба не дали. Свою порцию каши я уступил «доходяге» москвичу, а кипяток налил в котелок и улегся, поставив его на живот, чтобы таким образом прогреть желудок.

Под вечер я вышел из барака посмотреть на то, что происходило за колючей проволокой. Местные жители гнали домой скот с ближайших лугов, обрабатывали лопатами и тяпками свои огороды. Мне стало так тоскливо, что хотелось плакать навзрыд.

...На другой день в обед принесли что-то вроде свекольного борща с добавкой муки и мелкого картофеля, но на картофелинах попадалась земля, что придавало «борщу» темноватый оттенок. Но я опять провел день без еды, выполняя указание врача. Перед сном, пытаясь принять дозу хинина, я случайно рассыпал лекарство и поэтому ночью сильно помучился от приступа малярийного озноба, так что на укусы комаров и мошкар уже не обращал внимания.

Почти в таком же режиме, как и первые два дня, прошли у меня остальные 8—10 суток, которые я пробыл в лазарете. К сожалению, врачу не удалось добиться у немецкой комендатуры сухарей для желудочных больных, и он уже не надеялся нас вылечить. На десятые сутки после завтрака у нас появилось начальство в сопровождении немецкого переводчика. Зайдя в нашу «палату», они сообщили, что сегодня меня вместе с другими тяжелобольными отправят для дальнейшего лечения в городскую инфекционную больницу Павлограда.

Мы двинулись в путь. Погода была солнечной и жаркой. Шли не спеша. Все молчали. Я мучился от наступивших позывов в желудке, но надо было терпеть. Перед воротами больницы, которая со всех сторон была огорожена высоким кирпичным забором, одиноко стоял часовой-итальянец. Он подал сигнал свистком, и нам навстречу вышел немецкий ефрейтор, который повел нас в больницу.

Основным медицинским персоналом – врачами, фельдшерами и санитарями, а также хозяйственными работниками – там были военнопленные, проживавшие на территории больницы. Нас «рассортировали» по видам болезней и определили места. Меня, как больного дизентерией, поместили в правом крыле здания – в пятиместной палате рядом с туалетной комнатой, где были умывальники и параша. В палате имелись два окна, выходившие во двор. Больные размещались на железных пружинных кроватях, и приходилось спать на шинелях.

Врач, поговорив со мной, разрешил мне съесть весь обед и попить вечером чай с сухарями, подслащенный еще незнакомым мне сахарином. А утром обещал решить, как лечить

меня дальше от дизентерии, принявшей, по его словам, очень тяжелую, но еще не безнадежную форму.

Вскоре после ухода врача санитары принесли обед. Меня удивило, что по качеству он заметно отличался от того, что нам давали в лагере. Это был густой гороховый суп с проблемками жира и кусочками мяса.

После обеда я попробовал полежать на кровати, но ячейки железной сетки больно вдавливались в мое худое тело, и я не смог уснуть. Хотел разместиться на полу, но посчитал это неудобным перед соседями, которые спокойно лежали на своих кроватях. Так и промучился до вечера, пока не принесли ужин – бак горячего сладковатого чая, заваренного листьями какого-то дерева, и суточные порции: кому – черного хлеба, кому – сухарей. При этом полагалось половину порции съесть в ужин, а другую – на следующий день в обед. Но на практике пленные всю порцию обычно съедали за один раз. В ту же ночь меня так «несло», что я почти всю ее провел в туалетной комнате, сидя со спущенными штанами на ведре, предложенном санитаром, так как пользоваться парашей не мог. При этом более часа трясся также от холода от приступа малярии. И кстати, так происходило со мной еще несколько ночей.

На другой день врач вручил мне два пакета – один с марганцовкой, а другой – с порошком угля. Других лекарств у него не было. Он предупредил меня, чтобы я пока не ел жирные продукты, особенно ливерную колбасу местного производства, которую иногда будут давать на ужин. Если принесут куриные яйца, что маловероятно, то лучше есть только желток. Придется также отказаться от овощей и фруктов. А дальше все будет зависеть от меня самого, вернее, от моего организма.

После ухода врача у нас появился мужчина средних лет в комсоставской одежде и хромовых сапогах. Он сказал, что прибыл поздно ночью и поселился в соседней комнате. Потом он попросил нас не выдавать немцам его секрет. Дело в том, что он устроился в эту больницу с большим трудом под видом желудочного больного, а на самом деле он заразился венерической болезнью – схватил триппер от одной симпатичной женщины в селе, которое раньше было оккупировано немцами, потом освобождено, а затем вновь потеряно. И если немцы об этом узнают, то ему грозит расстрел и сильно пострадают врачи. Мы заверили товарища, что все будет хорошо, тем более что он оказался отличным рассказчиком, очень душевным и компанейским человеком.

Сидя в палате, я начал записывать по памяти в студенческой зачетной книжке адреса родных и близких. Записывал их сохранившимся в кармане гимнастерки огрызком простого карандаша. В это время внутрь палаты заглянул из раскрытого окна итальянский охранник и поприветствовал меня. Я ответил ему по-английски, так как раньше изучал этот язык в институте три года. Оказалось, итальянец немного знает английский, и у нас с ним и начался разговор, который мы дополняли пантомимой. Выяснилось, что до войны мы оба были студентами – я в Москве, а он в Болонье. Он угостил меня сигаретой и еще одну дал в запас.

Он поинтересовался, чем я болен, и сказал, что Бог мне поможет, я выздоровею. А в подтверждение сказанному достал из кармана молитвенник, напечатанный на итальянском языке на двух листках белой бумаги, и подарил мне его с надписью «Володимирио от Марио». Я с благодарностью принял молитвенник и носил его с собой взамен утерянного маминого «талисмана» вплоть до окончания войны. Наверное, он тоже помог мне выжить в плену.

К сожалению, дружба с этим милым итальянцем закончилась уже через два дня: он больше не появился во дворе больницы – видимо, его отправили на другое место службы.

Однажды я проснулся среди ночи из-за того, что наш интеллигентный сосед рассказывал какую-то историю. Оказалось, все слушали подробное изложение романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». Разумеется, я тоже заслушался рассказом, который длился почти до рассвета. Но аналогичные рассказы повторялись и в другие ночи.

Глава 5

Наступило утро третьего дня моего пребывания в больнице. Я по-прежнему чувствовал себя плохо: сильно ослаб, с трудом передвигал ноги. В тот день врачебный обход закончился тем, что у всех проверили температуру, которая у меня оказалась ниже 36 градусов. В туалетной комнате меня взвесили на стареньких и расшатанных весах. Во мне было только 38 килограммов. От грустных мыслей я спасался тем, что стал записывать в небольшую тетрадку немецкие слова, которые считал наиболее необходимыми для разговора с немцами. Эти слова я находил в своем немецко-русском словаре. Конечно, этого не потребовалось бы делать, если бы у меня был русско-немецкий словарь. Но, с другой стороны, таким образом немецкие слова хорошо запоминались, и к тому же большое внимание я уделял разговорной речи, а также повторению вслух слов и предложений. Кроме того, я читал и переводил для себя все попадавшиеся на глаза немецкие тексты. Эти самостоятельные уроки немецкого языка у меня проходили ежедневно и занимали чуть ли не весь световой день. Поэтому в больнице мне не было скучно и я не чувствовал себя обреченным, хотя передвигался с большим трудом и не было даже сил снять с себя гимнастерку.

Четвертый день моего пребывания в больнице ознаменовался тем, что после завтрака состоялся визит высокого немецкого начальства, сопровождаемого нашим врачом, фельдшером и другими лицами. Среди визитеров находились также два переводчика. Главный немец – подполковник медицинской службы – был уже в годах. Он носил не обычные очки, а пенсне. Его мундир украшала лента Железного креста 2-го класса. Лицо главного немецкого врача выглядело добродушным.

Вся компания подходила к кроватям, на которых сидели или лежали больные, и наш русский врач сообщал через переводчика, чем болен данный человек и как его лечат. Тот принимал сказанное к сведению, кивал и иногда давал какие-то указания нашему персоналу. При этом в разговорах принимал участие и русский переводчик.

Когда компания оказалась у моей кровати, я сразу, хотя и с большим трудом, поднялся с нее и встал по стойке «смирно», что очень понравилось немцам. А затем на многие вопросы главного врача обо мне, задаваемые русскому врачу, я стал отвечать сам на немецком языке, чем вообще привел всех чуть ли не в восторг. Немец ободрил меня, сказав, что я обязательно скоро выздоровею, для чего он постарается лично.

На следующий день утром ко мне явились немецкий ефрейтор и русский переводчик, которые принесли в банках черную и желтую масляную краску, кисточки и кусок тонкого железного листа. Мне предстояло написать красками на том листе черными латинскими буквами на желтом фоне «ABORT», что по-русски означает «УБОРНАЯ». Это была вывеска для новой уборной, построенной специально для медицинского и обслуживающего персонала больницы. Поскольку я малярным делом никогда не занимался, у меня на эту работу ушло чуть ли не полдня, и к тому же я еле отмыл руки.

Вечером мой лечащий русский врач и немецкий фельдшер вручили мне два пакета с таблетками: коричневыми – против дизентерии и с акрихином – против малярии. Другой наградой за работу стало то, что к ужину тот же ефрейтор принес пять сигарет, около десятка сухарей из белого хлеба и... большой кусок ливерной колбасы, которую сразу пришлось отдать соседям. Все сигареты я скурил в течение трех дней, разламывая пополам и отдавая докурить соседям.

Однажды после завтрака кто-то под окном несколько раз громко назвал по фамилии одного из моих соседей. Оказывается, ему принесли в горшке горячий борщ, а в узле – куски хлеба и сала, помидоры и свежие огурцы. Товарищ, получивший такой подарок, заявил, что это продуктовая передача от его городских знакомых, у которых он квартировал в прошлом году. Помидоры и огурцы он порезал на доли и раздал их соседям.

Этот случай привел меня к одной, казавшейся безумной идее. Я решил написать на листке бумаги свою фамилию, имя, возраст, военное звание (лейтенант), бывшее место жительства, профессию, а главное – сообщить о тяжелом положении со здоровьем. И эту записку с просьбой о помощи я задумал передать в город. И неожиданно такая возможность представилась. В соседней комнате, где скончался больной, через открытое окно я увидел, что двор метет какой-то мужчина. Оказалось, что он тоже военнопленный. Я попросил его дать закурить, но он ответил, что табака у него нет. И тогда я предложил ему бросить за ограду мою записку, заплатив за это имевшиеся еще у меня 30 рублей. Затем оставалось только ждать, к чему приведет моя затея или чем она закончится.

Наступило 18 июля – день моего рождения. Мне исполнился 21 год. Едва закончился завтрак, как я услышал со двора громкий голос переводчика: «Лейтенант Владимиров! Подойди к выходу, тебе передача из города!» – «Как же ты сумел завести в городе любовь – и даже не одной, а двух девиц?» – удивился переводчик. Он вручил мне маленький глиняный горшочек с горячим борщом и белый узелок, в котором оказались бутылка с киселем из черешни, два вареных яйца, несколько картофелин и черных сухарей – замечательный подарок ко дню рождения! К передаче была приложена записка. В ней говорилось, что ее пишут живущие по соседству с больницей девушки, которые нашли на улице мое послание и с одобрения своих родных и знакомых подготовили эту скромную передачу, надеясь, что она поможет моему выздоровлению. Они обещали и дальше делать мне передачи через переводчика, с которым они хорошо знакомы. Им хотелось получить от меня письменный ответ. Я написал девушкам более подробную записку, а переводчик, почему-то уверовав, что я его не выдам, сообщил, что девушки раньше были активными комсомолками и поэтому побаиваются сообщать свои адреса и имена. Однако переводчик все же назвал мне их имена и фамилии.

Обе девушки продолжали носить мне разные передачи через три-четыре дня, пока меня не выписали из больницы. Этих девушек я увидел лишь мельком у ворот больницы, когда немецкий конвой уводил меня обратно в лагерь, туда они принесли мне последнюю передачу.

...И вот наступил день, когда у меня появился такой аппетит, что, нарушив запрет врача, я с жадностью съел всю 150-граммовую порцию местной ливерной колбасы, а затем выпил кружку чаю с двумя сухарями и не стал принимать угольный порошок. Решил: лучше умереть, чем так страдать. И случилось чудо: ночью и на следующий день никакой рези или болей в желудке не было. В обед я с жадностью съел борщ с мясом и пшенную кашу со сливочным маслом, которую принесли мне знакомые девушки. В ужин я опять съел всю порцию ливерной колбасы и пренебрег всеми средствами лечения. К общему удивлению, я почувствовал себя лучше, и врач разрешил мне выходить из больницы на свежий воздух.

В тот же день в нашей палате появился новый санитар – рослый и упитанный мужчина средних лет, аккуратно одетый в гимнастерку с широким комсоставским ремнем и в брюки полугалифе, заправленные в хромовые сапоги. Во время прогулки во дворе он заговорил со мной и расспросил о том, где я воевал, как попал в плен.

На следующий день после завтрака санитар застал меня в туалетной комнате. Увидев это, он сказал, что устроит во дворе очаг и поставит кипятиться ведро с водой, в которую мы погрузим для дезинфекции мою одежду, а шинель просушим на солнце. Так мы и поступили. Совершенно голый и босой, я весь день провел у очага, подкладывая дрова. А затем санитар предложил мне помыться горячей водой с мылом. Утром санитар отвел меня в укромное место и сказал, что хочет доверить мне большую тайну. По его словам, Павлоград стал центром, где находится Днепропетровский областной комитет партии и нелегально действует его первый секретарь. Он очень нуждается в надежных людях. В связи с этим санитар предложил мне бежать вместе с ним и еще одним товарищем из больницы в город. Бежать нужно было той же ночью, так как на другой день его могли арестовать, поскольку один из работников хозяйства догадался, что санитар – еврей, и, наверное, уже донес на него немцам.

Предложение о побеге застало меня полностью врасплох, поэтому я попросил санитаря подождать ответа до обеда. С одной стороны, мне очень хотелось на свободу, а с другой – было ясно, что я еще слишком слаб для такого дела и могу оказаться обузой для товарищей. Так я и сказал санитару.

После обеда я лег спать и проснулся из-за доносившихся со двора громких криков и шума. Оказалось, что двое из обслуживающего персонала больницы, которым запрещалось выходить в город, преодолели высокий кирпичный забор и скрылись. Одним из них был мой знакомый санитар. Около забора охранники нашли небольшую веревочную лестницу. Судя по тому, что побег состоялся в дневное время, а не ночью, как предполагалось, для санитаря, видимо, сложилась критическая ситуация.

Через два дня от сидевших во дворе больных я услышал, будто бы в нашей больнице находится первый секретарь Днепропетровского обкома партии Сташков. Его ранили при аресте и привезли для перевязки. В тот же день я увидел, как двое немецких конвоиров уводили куда-то с трудом шагавшего раненого человека. В 1973 году я узнал о дальнейшей судьбе Н.И. Сташкова из книги «Говорят погибшие герои», которую мне подарили незабвенные друзья – профессора Борис Борисович Диомидов и Никита Васильевич Литовченко. В ней, в частности, было написано, что Сташкова арестовали в Павлограде 28 июля 1942 года и казнили в январе 1943 года. А в 60-х годах со мной в Москве некоторое время работал Валера Сташков, сын Героя Советского Союза Н.И. Сташкова.

...Оказавшись снова в лагере для военнопленных, я обратил внимание, что и на земле, и на сторожевых вышках находились молодые охранники в темно-зеленой форме. (У пленных в такой же форме в Германии – в отличие от охранников – на спине, левой груди, на правом колене, а также на пилотке были нанесены желтой или красной масляной краской буквы SU, что расшифровывалось как «Советский Союз»). К великому моему изумлению, охранники оказались моими соотечественниками – русскими, украинцами и т. д., перешедшими на службу к немцам. Немцы называли их добровольцами вспомогательной службы или, кратко, хиви – от сокращенного немецкого слова *Hilfswillige* («хильфсвиллиге»), буквально – «готовые помочь». Каждый из них получал питание как немецкий солдат и зарплату, а также дополнительное довольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.